

М. Е. Ляпидовская

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИКИ

*Российский государственный гидрометеорологический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье речь идет об историко-этнографическом очерке священника Г. И. Ляпидовского, посвященном истории крышенских селений. Опираясь на свидетельства местных старожилов, он описывает историю появления названий населенных пунктов Мамадышского уезда Казанской губернии, дает их этимологию, указывает на причины той или иной номинации объектов. Им воссоздана региональная топонимическая система как часть представлений человека о пространстве и времени. В статье представлена также современная интерпретация этимологии некоторых упомянутых в очерке топонимов.

Ключевые слова: *топонимы, комонимы, этнонимы, региональная топонимическая система, этимология, Г. И. Ляпидовский.*

М. Е. Lyapidovskaya

HISTORICAL-ETHNOGRAPHICAL ESSAY AS A SOURCE OF REGIONAL TOPONIMICS

Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article considers the historical-ethnographical essay of the priest G. I. Lyapidovsky, which is dedicated to the history of kryashen villages. Basing on the witnessing of the old locals, G. I. Lyapidovsky describes how the toponyms of Mamadyshsky uyezd of the Kazan Governorate appeared. He gives the etymology of the toponyms and shows the reasons for the nomination of the places. The regional toponymic system as a part of the person's space and time conception is reconstructed in the essay. The article represents the modern interpretation of the etymology of some discussed toponyms.

Keywords: *toponyms, komonyms, ethnonyms, regional toponymic system, etymology, G. I. Lyapidovski.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследуемой проблемы определяется включенностью изучения топонимики в круг современных антропоцентрических исследований, находящихся на стыке лингвокультурологии и ономастики, а также характером исследуемого материала, который дает уникальную информацию о названиях населенных пунктов, входивших во второй половине XIX в. в состав Чуринского прихода Казанской губернии (сейчас это один из многонациональных районов Республики Татарстан). В статье сделана попытка сравнить топонимическую систему региона, представленную в очерке, с данными современной науки.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили топонимы, описанные в историко-этнографическом очерке священника Г. И. Ляпидовского «Краткие сведения о Чуринском приходе Мамадышского уезда, Ядыгерской волости». Очерк предоставил дополнительные сведения о семантике онимов (народная этимология), способах номинации и мотивации различных населенных пунктов и некоторых водных объектов, в том числе адаптации заимствованных онимов к преобладающему языку. В работе проанализированы также некоторые факты истории народа, которые так

или иначе могли повлиять на развитие региональной топонимической системы данного региона. основополагающим в процессе анализа материала явился дескриптивный (описательный) метод с использованием частных научно-исследовательских приемов: этимологического анализа, то есть выявления апеллятива или первичного имени, явившегося основой этимологизируемого имени; ономастического словообразования, или языковой принадлежности наименования (язык-источник, от которого образован оним); «анализа культурно-исторического фона, на котором создавались имена и на который они проецировались» [11, с. 182].

Результаты исследований и их обсуждение. Г. И. Ляпидовский происходил из известной духовной семьи, служившей на протяжении многих десятилетий в кряшенских (кряшены – крещеные татары) приходах. Он родился в 1836 г. в с. Чура Мамадышского уезда, окончил Казанскую духовную семинарию, с 1870 по 1883 гг. служил священником в родном селе. Г. И. Ляпидовский «в совершенстве владел татарским языком, обладал глубокими познаниями в области быта и культурной жизни кряшен» [3, с. 143]. Именно в этот период он пишет небольшой, но довольно информативный очерк, посвященный истории названий кряшенских селений, входивших в Чуринский приход Мамадышского уезда Казанской губернии (с. Чура; дер. Малая Чура, Яныли, Поршур, Кушкетбаш, Лельвыж, Бурбаш).

В первую очередь автора интересуют топонимические легенды, связанные с историей заселения края, начиная с покорения Казанского ханства, и, соответственно, появления самих названий этих населенных пунктов. При их лексико-семантическом и этимологическом описании он опирается прежде всего на историко-этнографические данные, собранные у местных жителей, то есть использует полевой метод сбора информации: «сведения о значении названий деревень и о первоначальном их образовании собраны мною из сказаний теперешних старожил» [3, с. 147].

Собственные имена, описанные в очерке Г. И. Ляпидовского, можно квалифицировать как региональные комонимы (разновидность топонимов) – личные наименования любого сельского поселения (в данном случае – сел и деревень), известные в пределах узкого круга живущих в данном регионе людей, обычно отражающие характер и свойства именуемого объекта (ср.: определение из словаря Н. В. Подольской: «вид ойконима», «собственное имя любого сельского поселения» [8, с. 66]).

Топонимика региона имеет свои территориальные особенности, «региональный менталитет», под которым подразумевается «биологически, исторически и социально» [6, с. 17] обусловленная система стереотипов, функционирующая на данной территории. Совокупность комонимов как часть топонимической системы определенной территории основывается на общепринятых представлениях, воззрениях об окружающем мире, то есть представляет модель реальной действительности, имеющую временные и пространственные характеристики. Топонимическая система как часть языковой системы «существует в сознании носителей языка, и этим фактом мотивируется рассмотрение ее ментального бытия, а значит, изучение когнитивных структур ее организации» [6, с. 15]. При номинации объекта учитывается его пространственное существование, поскольку человек при восприятии объективной реальности сталкивается в первую очередь с категорией пространства. «Пространственные отношения» составляют «базовую, ядерную часть не только топонимической картины мира, но и концептуальной системы личности в целом» [6, с. 16]. Категория пространства строится на базовых оппозициях культуры: «большой – маленький», «свой – чужой», «дальний – близкий» и т. д. (ср.: с. Чура – дер. Малая Чура).

В названиях сельских поселений, представленных в очерке, отражаются геофизические (природно-ландшафтные) особенности местности, где располагается данный населенный пункт, информация о принадлежности данной территории определенному этносу, роду, семье, а также история расселения народов. Г. И. Ляпидовский указывает на существо-

вание двух основных источников появления комонимов в данном регионе: во-первых, от имени родоначальника известной семьи; во-вторых, от условий местности и заселения.

В очерке описана история появления дер. Яныли, имеющей второе название *Новая Семен-Головина*. Ее жители переселились на это место из д. Бияра, где проживали русские и старо-крещеные татары, у которой также было еще одно наименование: *Малая Семен-Головина* (*Малая*, то есть небольшая территория), «по причине небольшого жительства» [3, с. 147]. В данном случае отражение в комониме личного имени объясняется принадлежностью данного локуса лицу, имеющему высокий социальный статус. Вероятно, дер. Бияра получила второе название от имени своего родоначальника или основателя. Именно из этой деревни на новую территорию пришли крещеные татары и образовали поселение Яныли, которое, как и первое, имело еще одно наименование. В названии *Яныли* отразились условия заселения данной территории: *жәна* «новый», *ил* «местность, долина, поселение», то есть «новое поселение, Яныли». Отсюда и дифференциатор, выраженный прилагательным «новый», который появляется при вторичной номинации данного объекта: Новая Семен-Головина. Концептуально значимой становится связь его наименования со временем его заселения. В данном случае опосредованно отражены отношения, основанные на сравнении: малый – большой, новый – старый.

Отметим, что ономастический анализ должен учитывать языки, из которых были онимы. Деривационной базой названий поселений, расположенных на территории Чуринского прихода, послужили апеллятивы из татарского и удмуртского языков, что также связано с историей заселения края. По свидетельству Г. И. Ляпидовского, на месте дер. Малая Чура, недалеко от истока речки Бурка (современное название – Бурец/Бура), находилось большое поселение татар, удмуртов (вотяков) и марийцев (черемисов), откуда они расселялись в разные места, «от чего впоследствии составились целые деревни Чуринского прихода (где жили крещеные татары), а также татарские деревни» [3, с. 147].

Первичный топоним автору очерка остался неизвестен. На данной территории в разное время преобладал какой-то один язык, либо конкурировало одновременно два языка, и комонимы, имеющие изначально иноязычное происхождение, адаптировались к преобладающим языкам. «Включение иноязычного топонима в структурную систему языка-приемника <...> сопровождается адаптационными явлениями или трансформациями на всех уровнях: фонетическом, семантическом, грамматическом, словообразовательном; подвергается изменениям и понятийное содержание имени» [7, с. 13].

Так, в очерке Г. И. Ляпидовского этимология комонима объясняется следующим образом: *Чура* образовано от татарского слова «чурлый» ‘журчание родника’; жители видели в названии своей деревни природные особенности местности: поселение располагалось справа от речки Бурка, у самого ее истока.

По данным словаря М. Г. Атаманова «Происхождение удмуртского народа: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона», этимология указанного комонима восходит к воршудно-родовому имени удмуртов, а в составе онима содержится название родового божества основателя селения: «Малая Чура, тат. неофиц. Тубэн Чура – тат. (кряшенская) дер. в Кукморск. р-не Тат. Чура – Сюра – воршудно-род. имя удмуртов; по ЛП (Ландратская перепись – М. Л.) 1710 г. в деревне жили одни удмурты; со временем они перешли на тат. язык общения» [1, с. 869]. Таким образом, *Чура* имеет удмуртское происхождение. Жители данного региона искали в составе заимствованного онима лексемы из татарского языка, связанные с природными условиями местности. В попытке объяснить этимологию названия они сблизили неродственные по форме и значению основы. В дальнейшем от топонима образуется оттопонимический антропоним (то есть происходит самоцитирование ономастического кода): «первый поселенец и доселе поминается между здешними жителями под именем Чура-бабай (дедушка-Чура)» [3, с. 146]. Вероятно, в основу комонима могло лечь личное имя, например, дер.

Чураево (основанная Чураем). Ср.: «Чурай – дохрист. личное имя ~ патроним основателя селения» [1, с. 346].

В топонимии данной территории также отразились «этнонимы народов Волго-Камья» [2, с. 69]. Название дер. Поршур образовано от слов *пор* (удм.) ‘мари, мариец (черемис)’ и *шур* (удм.) ‘река’ (у Г. И. Ляпидовского – ‘вода’). Пор – этноним, употребляемый удмуртами по отношению к марицам. В очерке приводится топонимическая легенда, согласно которой наименование Поршур, где проживали марицы, было дано удмуртами. «Вотяки (удмурты), не желая креститься, ушли к северу за реку Бурку, при ключевой воде на месте сидевших черемис (марицев) останавливались и они, но прозвав это место по своему наречию Черемисскою водою, <...> ушли далее» [3, с. 147].

Согласно народным преданиям, название деревни «дано вотяками (удмуртами) из презрения ими к нечистоплотности черемис (марицев): „Здесь Черемисская вода, не станем тут жить – бежим дальше”» [3, с. 147]. Эта же этимология комонима предложена в работе М. Г. Атаманова «Удмуртская ономастика»: «пор: 1) мариец; 2) название одной из фратрий обских угров (ист.): деревня Поршур (шур) – ‘река’» [2, с. 69]. «Судя по ЛП 1710 г., деревня была чисто удмуртской, причем во всех 14 дворах жили новокрещенные удмурты. Со временем они перешли на татарский (кряшенский) язык общения; ныне все жители числятся татарами (кряшенами)» [1, с. 652].

По преданиям, многие селения могли быть основаны не теми инородцами, которые теперь в них живут. По данным историко-этнографического очерка, удмуртская дер. Лельвиж (в очерке – Лельвыж), «в простонародии – Юлбыж» [3, с. 147], получила свое название от пяти татарских семей, бежавших в эти места от святого крещения: от тат. *юл* (в очерке – жул) ‘дорога’, *биш* ‘пять (рука)’. Деревня находится в северо-западной части Кукморского района Республики Татарстан. Числительное «пять» довольно часто употребляется в татарской гидронимии, например: «Бишмунча йылгасы – лев. пр. р. Кама, Биш йылгасы – пр. р. Березинка» [4, с. 67]. Народная этимология расходится с данными словаря: «*Лельвиж*, удм. назв. *Льольвыж*, *Дьольвыж* – удм. с. В Кукморск. р-не Тат. (НПРТ 1997: 159): *лель* – *дьоль* – деэтим. слова, возможно, восходят к общеперм. *йоль*, *ель* ‘небольшая лесная речка’ + *выж* ‘мост’ <...> ‘Селение, основанное вблизи моста через лесной ручей’» [1, с. 494]. Можно сказать, что в комониме зафиксирована информация о пространственном восприятии народа. Интересно сравнить происхождение комонима, предложенное на краеведческом портале «Родная Вятка»: *Лельвиж* – от татарского *доль* (тат. *долдол* – мифическое существо) и удмуртского *быж*, что означает «хвост мамонта». Подобная этимология объясняется археологическими находками: в 1921 г. на данной территории нашли бивень и зуб мамонта.

Название поселения может отображать свойства и особенности самого объекта номинации, репрезентируя «геофизический (природно-ландшафтный) код» [10, с. 16], в котором определенная культурная информация. Название дер. Кушкетбаш автор очерка возводит к удмуртскому *кушкӧт*, которое переводит как ‘башмак’, и *баш* (тат.) – ‘голова, начало’. В «Удмуртско-русском словаре» у *кушкӧт* зафиксировано значение ‘отопок (обл.), об обуви’ [12, с. 364], у В. Даля *отопок* – ‘отоптанный сапог, башмак’ [5, с. 645]. Вероятно, поэтому Г. И. Ляпидовский приводит перевод слова *кушкӧт* как башмак, сближая по форме овраг и стоптанный башмак, то есть *Кушкетбаш* – «Начало оврага». В качестве подтверждения приводится история заселения данной территории: далее за с. Чура «версты на две оказалась еще местность в глубоком враге (устар. овраг) с проточною водою <...> и туда отправились еще две семьи вотяков; поселились они при самом начале врага и назвали это место Кушкӧт <...>, а впоследствии присоединившиеся к ним из прежнего жительства татары прибавили к вотяцкому слову свое: баш (голова, начало) [3, с. 147]. Таким образом, номинация *Кушкетбаш* состоит из двух частей: удмуртской и татарской. Однако такое толкование не подтверждается данными историко-этнографического словаря, в котором

лексический компонент *кушкет* в составе комонима объясняется так: «Кушкет – назв. рч. в бас. р. Шошмы, пр. пр. р. Вятки: гидроним состоит из двух частей: *куш* ‘лесная поляна’ + *кет* – деэтим. апеллятив» [1, с. 476]. Таким образом, в Мамадышском районе Республики Татарстан основной пласт составляют удмуртские комонимы.

Народная этимология порождает множество топонимических легенд. Так, по данным Г. И. Ляпидовского, в наименовании Бурбаш (татарский вариант произношения – Борбаш) закодирована информация о родоначальнике поселения. Комоним якобы связан с преданием о том, как один человек покинул с. Малая Чура и поселился у истока р. Бурки, а деревня, которая образовалась от этой семьи, стала называться Бурбаш: «из жительства (теперешней Малой Чуры) ушел один семьянин – татарин – к западу, вверх по речке Бурке и поселился жить при самом истоке оной» [3, с. 146]. Автор очерка считает, что название татарской деревни Бурбаш, которая находится в истоке реки Бурки, образовано от *бер* (тат.) ‘один’, *баш* (тат.) ‘голова’; от наименования поселения происходит название реки, которую русские называли Бурка (сейчас Бурец). Этимология комонима Бурбаш остается не совсем ясной. Элемент *бор* (*бур*) характерен для многих географических терминов общетюркского характера: основой топонима может быть тюркское слово *бор/бур* ‘мел’ [9, с. 19]. Топоформант *баш* также связан с тюркскими языками: *баш* ‘верховье, начало, исток реки’ [4, с. 68]. Таким образом, гидроним *Бурец* может быть образован на основе лексемы, обозначающей состав грунта, dna водного объекта, а к определителю *бур* добавились типично русские аффиксы *-к(а)*, *-ец*.

Резюме. При номинации объекта в первую очередь важна категория пространства, с которой сталкивается человек. Представления о пространстве, существующие в сознании отдельной личности, проецируются и на топонимическую систему, поэтому топонимы можно рассматривать с позиции когнитивных структур, то есть в рамках познания ею окружающего мира: «начало» – «конец» (Кушкетбаш ‘Начало оврага’), «малый» – «большой» (с. Чура – дер. Малая Чура).

В исследованной нами историко-этнографической работе представлена часть топонимической системы небольшой территории, которая начала свое формирование еще до покорения Казанского ханства и существует по настоящее время. Автор очерка ставил перед собой цель описать названия населенных пунктов, входивших в Чуринский приход: деревень (комонимы), а также некоторых рек, на берегу которых они располагались.

В очерке четко прослеживается взаимосвязь между наименованием населенного пункта и событиями, связанными с данным локусом. Г. И. Ляпидовский рассматривает топонимические легенды как мотивы появления комонимов, обусловленные неязыковыми факторами. Анализ материала показал, что его интерпретация названий географических объектов не всегда подтверждается данными науки. Большинство этимологически восходит к удмуртскому языку, поскольку данные поселения изначально были основаны удмуртами, а татары селились там позднее, либо удмурты переходили на татарский язык как средство общения.

Следовательно, интерпретация наименований населенных пунктов не всегда совпадает с истинными их мотивами номинации, а ложная этимология некоторых из них порождает топонимические предания и легенды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманов М. Г. Происхождение удмуртского народа : историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона. – Ижевск : Ижевская республиканская типография, 2015. – 991 с.
2. Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск : Удмуртия, 1988. – 168 с.
3. Багаутдинова Х. З., Исхаков Р. Р. Нравственность у крещеных татар ценится высоко : историко-этнографический очерк священника Глеба Ляпидовского «Краткие сведения о Чуринском приходе Мамадышского уезда, Ядыгерской волости» (22 июня 1879 г.) // Кряшенское историческое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 143–149.

4. *Гарипова Ф. Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. – М. : Наука, 1991. – 294 с.
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2 : И–О. – М. : ГИС, 1956. – 779 с.
6. *Дмитриева Л. М.* Русская топонимическая система: онтологическое и ментальное бытие // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 13–18.
7. *Кириллова Л. Е., Самарова М. А.* Трансформация удмуртских географических названий // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 9–33.
8. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
9. *Садыкова Р. К.* Историко-лингвистический анализ тюрко-татарской топонимии Ульяновской области Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. – Казань, 2003. – 26 с.
10. *Сьянова Е. И.* Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихоперья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – СПб., 2007. – 22 с.
11. *Теория и методика ономастических исследований.* – М. : Наука, 1986. – 254 с.
12. *Удмуртско-русский словарь*: около 50 000 слов / отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск : Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2008. – 925 с.

Статья поступила в редакцию 11.06.2019

REFERENCES

1. *Atamanov M. G.* Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda : istoriko-etimologicheskij slovar' toponimov Volgo-Ural'skogo regiona. – Izhevsk : Izhevskaya respublikanskaya tipografiya, 2015. – 991 s.
2. *Atamanov M. G.* Udmurtskaya onomastika. – Izhevsk : Udmurtiya, 1988. – 168 s.
3. *Bagautdinova H. Z., Iskhakov R. R.* Nравstvennost' u kreshchenyh tatar cenitsya vysoko : istoriko-etnograficheskij ocherk svyashchennika Gleba Lyapidovskogo «Kratkie svedeniya o Churinskom prihode Mamadyshskogo uezda, Yadygerskoj volosti» (22 iyunya 1879 g.) // Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie. – 2016. – № 2. – S. 143–149.
4. *Garipova F. G.* Issledovaniya po gidronimii Tatarstana. – M. : Nauka, 1991. – 294 s.
5. *Dal' V.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. T. 2 : I–O. – M. : GIS, 1956. – 779 s.
6. *Dmitrieva L. M.* Russkaya toponimicheskaya sistema: ontologicheskoe i mental'noe bytie // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2001. – № 20. – S. 13–18.
7. *Kirillova L. E., Samarova M. A.* Transformaciya udmurtskih geograficheskikh nazvanij // Nauchnyj dialog. – 2018. – № 8. – S. 9–33.
8. *Podol'skaya N. V.* Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii. – M. : Nauka, 1978. – 198 s.
9. *Sadykova R. K.* Istoriko-lingvisticheskij analiz tyurko-tatarskoj toponimii Ul'yanovskoj oblasti Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02. – Kazan', 2003. – 26 s.
10. *Syanova E. I.* Onomasticheskij kod v mental'nom prostranstve dialektonositelej (na materiale govorov Voronezhskogo Prihoper'ya) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – SPb., 2007. – 22 s.
11. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanij.* – M. : Nauka, 1986. – 254 s.
12. *Udmurtsko-russkij slovar'*: okolo 50 000 slov / отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Изhevsk : Udmurtskij in-t istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2008. – 925 s.

The article was contributed on June 11, 2019

Сведения об авторе

Ляпидовская Марина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и предвузовской подготовки Российского государственного гидрометеорологического университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: neforis@mail.ru

Author information

Lyapidovskaya, Marina Evgenyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Pre-University Education, Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: neforis@mail.ru